

УДК 94 (476+576) «1914/1918»

**ЕПАРХИАЛЬНОЕ ДУХОВЕНСТВО НА СЛУЖБЕ В ВЕДОМСТВЕ ПРОТОПРЕСВИТЕРА
ВОЕННОГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ***канд. ист. наук, доц. Э.В. СТАРОСТЕНКО**(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Статья посвящена исследованию службы епархиального духовенства в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства в годы Первой мировой войны. Изучаются основные пути поступления священников на службу в ведомство протопресвитера, их обеспечение, сложности, связанные с сохранением прежнего места службы. Рассматривается соответствие поступающего из епархий духовенства месту назначения. Прослеживается изменение положения епархиальных священников в армии после отречения Николая II и установления власти Временного правительства, анализируется судьба епархиальных священников после упразднения ведомства протопресвитера военного и морского духовенства.

Ключевые слова: *Первая мировая война, ведомство протопресвитера военного и морского духовенства, православная церковь, православное духовенство.*

Введение. Служба православного духовенства в российской армии в последние годы все чаще обращает на себя внимание историков. В частности, история института православного военного духовенства в годы Первой мировой становится предметом изучения профессиональных историков, военных, лиц, связанных с православной церковью, публицистов. Вместе с тем, зачастую публикации характеризуются поверхностным рассмотрением проблемы, использованием недостаточной источниковой базы, злоупотреблением дублированием уже известных фактов, односторонним рассмотрением функционирования священников в армии, тогда как исследование института военного духовенства требует привлечения значительного объема источников, преимущественно архивных, и их тщательного анализа. Близкое знакомство с источниками, раскрывающими службу священников в российской армии, позволяет ставить вопросы о таких аспектах данной проблемы, которые ранее практически не оказывались объектом научного исследования. В их числе особое внимание заслуживает проблема пополнения рядов военного духовенства призванными на время войны священниками из епархий. К вопросам службы епархиального духовенства в российской армии обращались А. Кострюков, С. Фирсов, С. Малышко, Э. Старостенко, О. Родионова [1–7]. В рамках заявленной темы представляют интерес пути поступления духовенства в ведомство протопресвитера военного и морского духовенства, вопросы их обеспечения, профессиональная пригодность, а также судьба таких священнослужителей в период революционных преобразований. Исследование службы епархиального духовенства в российской армии осуществлено на основе широкого круга источников, среди которых официальные документы военного ведомства и ведомства протопресвитера военного и морского духовенства, указы Синода и решения епархиальных консисторий, материалы делопроизводства протопресвитера, полевой канцелярии и Духовного правления, главных священников, а также периодическая печать, мемуары. Данная статья подготовлена с привлечением фондов Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Национального исторического архива Беларуси. В научный оборот вводятся новые источники по конфессиональной истории Беларуси, в частности документы, раскрывающие особенности службы епархиальных священников в ведомстве военного и морского духовенства в годы Первой мировой войны.

Основная часть. Накануне войны в штате ведомства протопресвитера военного и морского духовенства числилось около 730 человек. Они служили в регулярных воинских формированиях и военноместных церквях. Однако начавшаяся Первая мировая война повлекла создание новых воинских частей и учреждений (например, госпиталей и лазаретов), в которых полагалось (или позже было введено) штатное место священнослужителя. За годы войны количество священников, побывавших в армии для религиозного обслуживания военнослужащих, достигло 5000 человек. По данным на май 1917 г. больше всего священников находилось на Юго-Западном фронте – 830 человек. На Западном фронте служило 750, на Северном – 610, Румынском – 410 и Кавказском – 270 священнослужителей [8, л. 71]. Если взять данные о динамике численности священников на Западном фронте (находился на территории Беларуси), то по данным на ноябрь 1915 г. здесь служило 665 священников [9, л. 10], к маю 1917 г. их количество увеличилось до 750 человек [8, л. 71], а в декабре 1917 г. сократилось почти до 400 человек [8, лл. 184–193].

Для организации религиозного обслуживания создаваемых на время войны полков и госпиталей было составлено мобилизационное расписание, согласно которому на время войны в распоряжение протопресвитера назначалось епархиальное духовенство. Расписание вступило в силу с 1 сентября 1910 г., до начала войны вносились правки (по другим данным вступило в силу с 1 мая 1912 г.) [10, с. 53]. Следует отметить, что к началу Первой мировой войны оно расходилось с проводимой мобилизацией [6, с. 58].

В расписании была указана информация о месте предварительной дислокации и времени формирования новых полков и госпиталей, а также о необходимом количестве священников и сроке их прибытия к месту службы. Мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба рекомендовал по возможности назначать священников из епархий, в районе которых располагались воинские части и учреждения. Это способствовало своевременному прибытию к месту назначения. Срок прибытия рассчитывался по следующему принципу: по железным дорогам – 300 верст в сутки, водными путями сообщения – 100, почтовыми и проселочными дорогами – 75, а в распутицу – 50 [11, л. 13]. Мобилизованным предоставлялось два дня для решения домашних вопросов и один – для сдачи дел администрации и преемнику [11, л. 13]. Согласно расписанию, госпитали, расположенные в Виленском военном округе, должны были быть в мобилизационной готовности на 7–16 день, в Варшавском – на 5–12 день [11, лл. 69 – 69об.]. К этому же сроку следовало прибыть священникам. Для находящихся на территории Беларуси епархий сроки устанавливались следующие: прибытие по Гродненской епархии – от 5 до 10 дней, по Минской – от 7 до 16 дней, по Могилевской – до 11 дней [11, лл. 84 – 85об.].

В соответствии с расписанием, каждая епархия составляла списки священников, которые в момент необходимости могли отправиться на территорию военных действий. Указом Синода «О назначении священнослужителей в войсковые части на случай мобилизации армии» от 12 января 1911 г. епархиальным епископам поручалось не просто составить общие списки, а заранее распределить священников по полкам и госпиталям, и после уведомить соответствующие окружные штабы об избранных кандидатах. Синод рекомендовал избирать лиц преимущественно из монашеского духовенства. Включение белого духовенства в мобилизационные списки допускалось только при наличии нескольких штатных должностей в их причте. Забегая вперед отметим, что возглавивший в 1911 г. ведомство военного и морского духовенства Г.И. Шавельский имел иное мнение о том, кого именно следует отправлять на службу в армию. Он считал, что для этого больше подходят иереи, имеющие соответствующее образование и физическую подготовку. Однако внести изменения в мобилизационное расписание до войны не удалось, и в армию попало значительное количество иеромонахов, которых позже, тем или иным образом, заменяли на более способных священников. Епархиальное начальство должно было поддерживать список в актуальном состоянии, и обо всех изменениях сообщать в окружные штабы [11, л. 49об.]. Кроме того, епархии обеспечивали мобилизованное духовенство всем необходимым для богослужения: комплекты предметов следовало собрать заранее (по количеству священников), и хранить на епархиальных складах до востребования.

Всего в военно-врачебные заведения от всех епархий Российской империи планировалось отправить 434 священника [11, л. 27]. На основе анализа мобилизационных ведомостей установлено, что 59 из них призывались с территории Беларуси. Гродненская епархия должна была предоставить 22 священника (двое в Виленский, остальные – в Варшавский военные округа), Минская – 14 священников, Могилевская – 14 священников, Полоцкая епархия – 9 священников (все в Виленский военный округ). Позже в расписание вносили изменения: например, к 1912 г. сократили количество священников, поступающих в распоряжение госпиталей, неприданных дивизиям (из епархий на территории Беларуси в госпитали, неприданные дивизиям, было решено направить только 7 священников из Полоцкой епархии) [11, л. 118]. В воинские части епархии должны были отобрать 152 кандидата, из них 8 – с территории Беларуси (4-х из Гродненской, 2-х из Минской и 2-х из Могилевской епархий) [11, лл. 63–65].

Следует отметить, что не все епархиальные консистории смогли найти требуемое число кандидатов. Епископ Гродненский в марте 1911 г. сообщал Синоду, что епархия не может предоставить 22 кандидата в формируемые госпитали: иеромонахов в монастырях епархии едва хватало для исполнения богослужений, а командирование белого духовенства лишило бы приходы священников и нанесло бы вред «гражданской и патриотической жизни общества» [11, л. 98об.]. Указом Синода от 15 марта 1911 г. Гродненской епархии разрешили избрать вместо 22 кандидатов лишь двоих (остальных поручалось найти в Черниговской и Волынской епархиях), но вместе с тем обязали обеспечить всех кандидатов богослужебными предметами. Пастыри с территории Беларуси стали поступать на службу по мобилизационным спискам с первых дней войны [4, с. 112].

Мобилизованное духовенство имело право на получение пособий: прогонных денег по расчету расстояния к месту назначения; 150 рублей на экипировку; военно-подъемных в размере четырехмесячного оклада (300 рублей); сумм на приобретение верховой лошади, седла или повозки [12, л. 223об.]. При выступлении в поход кроме основного жалования священник получал суточные полевые пособия, размер которых зависел от местности, где он служил. Это была экономически самая защищенная часть поступающего в армию на время войны епархиального духовенства.

Еще один путь поступления епархиального духовенства на временную службу в ведомство военного и морского духовенства – назначение по специальному распоряжению протопресвитера. Стараниями Г.И. Шавельского священнослужительские должности учреждали в воинских частях и учреждениях по ходу войны, и появились вакантные места, для замещения которых мобилизованного из епархий духовенства не хватало. Поэтому по ходатайству протопресвитера Синод рассылал в духовные консистории указы об отправке священников в ряды военных пастырей. Первый такой указ был направлен в Киевскую, Харьковскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую епархии еще в сентябре 1914 г.: каждая

должна была предоставить 10 кандидатов в распоряжение протопресвитера [5, с. 83]. Но, ввиду формирования новых частей и переформирования старых, а также увеличения числа выбывших священнослужителей, потребность в кадрах некоторое время сохранялась. Уже 23 мая 1915 г. указом Синода Минскому, Могилевскому, Полоцкому, Курскому и Херсонскому епископам было поручено назначить десять священников в распоряжение протопресвитера [13, л. 60]. Кандидаты должны были иметь надлежащее богословское образование, патриотический настрой, хорошее физическое здоровье, соответствующий возраст (до 45 лет) [14, л. 1]. Епархия должна была также обеспечить командированных содержанием и всем необходимым для службы. Г.И. Шавельский вспоминал, что не все епархии отбирали кандидатов в соответствии с требованиями: «в 1915 году Полоцкое епархиальное начальство, по требованию Синода, избрало пятерых: четверо из них было в возрасте от 62 до 71 года, а пятый находился под судом. Конечно, ни один из них не был допущен протопресвитером на театр военных действий. При таком положении дела могли проникать в армию и недостойные» [15, с. 98–99]. Проконтролировать соответствие всех епархиальных священников требованиям ведомства было проблематично ввиду их многочисленности.

Ряды военного духовенства пополнялись за счет добровольцев. Можно назвать несколько причин их стремления поступить на временную службу в ведомство протопресвитера. Нередко священники руководствовались патриотическими чувствами, желая послужить царю и отечеству в военное время. Вместе с тем, важной причиной являлась денежная сторона вопроса: служба в ведомстве протопресвитера, пусть и временная, принесла бы священнику больший, нежели чем в епархии, доход [5, с. 83]. Например, служащий в Пашковской церкви Могилевского уезда А. Билецкий просил архиепископа Могилевского и Мстиславского Константина разрешить ему поступить священником в действующую армию, так как Пашковский приход малочисленный и крайне скуден по обеспечению причта [16, л. 1].

Протопресвитер, принимая на службу священников, руководствовался не только уровнем образования и соответствием месту службы, но и обращал внимание на место проживания: он предпочитал принимать на службу священников из ближайших к фронту епархий, так как командирование их в армию требовало меньших расходов и времени [17, л. 95об.].

С поступлением епархиальных иереев на временную службу в ведомство протопресвитера возникал ряд проблем, главной из которых стало сохранение за добровольцами мест епархиальной службы и содержания по ним. Для призванных по мобилизационному расписанию и указам Синода такой проблемы не возникало: указом Синода от 1 августа 1914 г. им гарантировалось сохранение места и содержания. При этом под содержанием понималось казенное жалование, проценты с капиталов, доход от оброчных статей, выгоды от земли и квартиры в натуре, если такие имелись при церквях [7, л. 60]. Поступая на временную службу в ведомство протопресвитера, добровольцы рассчитывали, что такой порядок будет распространяться и на них. Однако указом Синода от 4 июня 1916 г. разъяснялось, что на основное содержание и сохранение прихода могут претендовать только те, кто призван по мобилизационному расписанию. Кроме того, суммы, не входящие в основное содержание (кружечные и братские доходы, вознаграждения за требы), должен получать заместитель [18, с. 295]. На основании данного указа за добровольцами можно было не сохранять место в епархиях. Вместе с тем необходимо отметить, что и до указа от 4 июня 1916 г. имели место случаи увольнения священников из епархий: священника Горвельской церкви Речицкого уезда И. Загоровского исключили из списков духовенства Минской епархии вопреки обещанию епископа оставить приход за ним (прошение от 10 мая 1915 г.), священника А. Шимановского из Борисовского уезда отчислили из епархии ввиду ухода на службу в армию (рапорт от 23 февраля 1915 г.) [19, л. 30; 20, л. 1].

В сложившейся ситуации часть служащего в армии епархиального духовенства оказалась под угрозой остаться без основного места службы после войны. В дело пришлось вмешаться протопресвитеру. На основании его рапорта, 12 октября 1916 г. Синод принял решение, по которому июньский указ не распространялся на священников-добровольцев, поступивших на службу в ведомство военного духовенства до 4 июня 1916 г., следовательно, приходы за ними должны были быть сохранены [21, л. 1]. Позже, в соответствии с указом Синода от 30 января 1917 г., было решено оставить вопрос о сохранении прихода на усмотрение епископа. Из каждой епархии следовало направить в распоряжение протопресвитера не менее 7 человек от епархии. На примере Могилевской епархии шестеро из семерых командированных сохранили свои места службы: лишь священник Городищенской церкви Горецкого уезда А. Керножицкий был уволен с занимаемого места [22, л. 1 об.].

Полевая канцелярия протопресвитера и Духовное правление старались допускать в армию только тех добровольцев, у которых имелись бумаги, подтверждающие согласие духовной консистории на временный переход в ведение протопресвитера священника, с сохранением за ним прихода и содержания. Это требование имело целью защитить ведомство протопресвитера от возможных претензий со стороны временно поступивших на службу в ведомство священников: в противном случае не имеющие мест в епархиях по окончании войны могли потребовать компенсации годового жалования, или попросить штатное место в ведомстве протопресвитера [23, лл. 401–401об.]. Анализ делопроизводства главного священника армий Западного фронта показал, что при отсутствии согласия епархиального начальства добровольцам отказывали. Да и сами епархиальные консистории часто не соглашались на временную службу своих священников в ведомстве протопресвитера: архиепископ Могилевский и Мстиславский Константин «затруднялся» согласиться на отправку иерея Мордашевичской церкви Оршанского уезда С. Глыбовского с сохранением за ним места по службе (август–сентябрь 1916 г.) [24, л. 2]. Он же отказывался отправить

в армию иерея Шамовской церкви Мстиславского уезда Н. Шафрановского без увольнения из епархии [25, л. 1]. Консистории не желали отправлять своих священников по ряду причин. Так, по мере увеличения числа отбывающих на службу в армию священников, в епархиях стала ощущаться их нехватка. Например, в декабре 1916 г. староста и попечители Греской церкви Слуцкого уезда Минской губернии жаловались епископу Минскому и Туровскому на отсутствие священника в приходе: «вот уже пошел четвертый месяц с тех пор, как бывший у нас священником о. Сергей Радевич добровольно ушел в полковые священники и на его место никто не прислан до сих пор, между тем потребность в церкви и в священнике у нас в настоящее время очень велика ... смертность людей увеличилась, и трупы умерших хоронятся без священника, желание же молиться в церкви в это тяжелое время у всех очень велико» [26, л. 74]. Или рапорт благочинного 1-го округа Невельского уезда епископу Полоцкому и Витебскому Кириону от 31 января 1917 г. о командированном в армию в 1915 г. священнике Смирнове: «Отсутствие этого священника весьма ощутительно, ибо и в мирное время, при полном составе соборных священников, им нелегко управиться со всем делом в приходе... В настоящее же время дел в приходе много прибавилось, вследствие прибытия в приход беженцев и расквартирования здесь нескольких воинских частей» [27, л. 2об.]. Кроме того, нежелание отпускать священников с сохранением места было связано со сложностью обеспечения заместителей достойной оплатой труда [7, л. 61].

Однако, несогласие архиереев не было помехой для отдельных священников: они все равно покидали места епархиальной службы и уходили на временную службу в военно-духовное ведомство. Многие из них надеялись остаться в штате ведомства протопресвитера, или рассчитывали получить место в приходе после войны. Самым ярким примером можно считать историю А. Кадея из Пинского уезда Минской епархии, который вступал в неоднократные конфликты с епархиальным и военно-духовным начальством [7, л. 124]. Добровольцем он был назначен во 2-й лазарет 64-й пехотной дивизии, но уже в 1915 г. стал требовать гарантий по сохранению за ним прихода в епархии, хотя ушел в армию без согласия архиерея. Синод оставил ходатайство без удовлетворения [13, л. 140]. За время войны он успел послужить на Северном, Западном, Юго-Западном фронтах, везде плохо себя зарекомендовал, и, в конце концов, был отчислен в епархию с широкой оглаской (решено на Втором всероссийском съезде военного и морского духовенства в июле 1917 г.).

На особых условиях в ряды военного духовенства влились священники-беженцы. Лишившись места службы, духовенство оккупированных территорий и их семьи оказались в плачевном положении, многие обращались за помощью в Синод. 24 октября 1915 г. Синод издал указ «Об устройстве судьбы беженцев-клириков». Он преследовал целью защитить лишенных работы и дома священников. Для этого всем епископам было поручено предоставлять духовенству оккупированных епархий возможность временно исполнять священнические обязанности на имеющихся вакантных местах. [28, лл. 2 – 2об.]. Этот указ был также адресован и протопресвитеру военного и морского духовенства. Консистории занятых противником епархий не были против службы в ведомстве протопресвитера своих священников, оставляя за собой право отозвать их в случае необходимости. В 1916 г. архиепископ Гродненский и Брестский писал главному священнику Западного фронта, что беженцы, служащие в тылу, должны вернуться в епархию по мере освобождения их приходов [29, л. 31].

Вкладом ведомства военного и морского духовенства в устройство беженцев стало поручение главным священникам предоставлять места в армии в первую очередь пригодным для службы на театре военных действий [28, л. 2об.]. Для получения места в армии им было достаточно предоставить удостоверение личности и документы, подтверждающие право на исполнение пастырских обязанностей [6, с. 59]. Изучение рапортов и донесений главного священника армий Западного фронта позволяет сделать вывод, что среди назначавшихся священников было большое число выходцев из Гродненской епархии (по данным РГИА большая часть этих священников была отправлена в военно-санитарные поезда и лазареты), часто встречаются представители Минской и Литовской епархий [5, с. 84; 30].

Устройство беженцев было использовано ведомством протопресвитера как возможность заменить часть поступивших в воинские части и учреждения иеромонахов. Данные меры позволили бы сократить расходы, связанные со службой иеромонахов и заменить несоответствующих требованиям ведомства на более достойных [28, л. 2об.]. Большинство из них находились в преклонных годах, и, что не менее важно, не имели необходимого образования и подготовки. Главный священник армий Западного фронта писал, что госпитальные иеромонахи «люди одинокие, нередко уже преклонных лет, и после 15-ти месяцев военно-походной жизни уставшие и нуждающиеся в продолжительном отдыхе, а иногда и серьезном лечении» [28, л. 117]. Поэтому он предлагал штабным священникам составить списки тех, кого можно заменить иереями-беженцами.

Идея замены иеромонахов иереями была поддержана не только главными и штабными священниками, но также командирами частей и главными врачами госпиталей. Так, главный врач 408-го полевого запасного госпиталя, расположенного в Ракове, согласился с заменой иеромонаха о. Иоанникия («человека болезненного и крайне скудного образования»), дабы оказать помощь священникам-беженцам, обремененным семьей [28, л. 149]. Иеромонах 11-го полевого запасного госпиталя был отчислен в августе 1916 г. по причине «болезненного состояния и необходимости дать место весьма нуждавшемуся в средствах священнику-беженцу, который, как получивший полное богословское образование принесет больше пользы, чем не получивший образование иеромонах» [31, л. 131]. Начальник 9-го головного эвакуационного пункта в Лунинце просил заменить служа-

щих в госпитале иеромонахов образованными священниками: «оба эти иеромонаха – люди не только без всякого образования, но люди едва грамотные ... не только не в состоянии вести каких-либо бесед духовно-нравственного содержания с больными и ранеными, но они не в состоянии дать даже надлежащее разъяснение прочитанному Св. Евангелию» [32, лл. 67 – 67об.]. Многие иеромонахи ситуацией довольны не были, но им пришлось покинуть места службы, уступив их беженцам.

Беженцам полагалось жалование в соответствии с занимаемой должностью. Сохранение же приходского жалования было в компетенции епархиального начальства. По распоряжению протопресвитера, беженцы были лишены права получения единовременных пособий военного времени. Поэтому при поступлении на службу в ведомство протопресвитера они давали подписку о согласии служить за одно жалование и полевые порции, без права получения пособий военного времени [30, л. 21].

Важной стала проблема соответствия месту назначения командируемых в распоряжение протопресвитера епархиальных священников. Назовем несколько причин, по которым прошения епархиального духовенства отклоняли. Единогласно отказывали добровольцам, не предоставившим характеристику (отзыв) и послужной список из епархии. Отказывали не имеющим должного образования. И, конечно, отказывали в случае отсутствия вакантных мест. Во всех случаях прошение или оставляли без ответа, или же выносились соответствующая резолюция протопресвитера («Отклонить», «Отклонить за неимением мест», «Отклонить ввиду большого числа кандидатов», «Отклонить, так как есть более достойные кандидаты»). Заметим, что нехватка священников имела место в начале войны: речь идет о госпиталях, саперных и железнодорожных батальонах, артиллерийских бригадах [33, с. 201]. В артиллерийских бригадах, запасных полках эта проблема оставалась актуальной на протяжении войны. Но в целом проблема нехватки священников в армии в историографии несколько преувеличена.

С поступлением епархиальных священников на службу в ведомство протопресвитера армия пополнялась лицами, не всегда имеющими достаточный уровень образования и пастырского опыта. Ведомство протопресвитера военного и морского духовенства оказалось в неоднозначной ситуации. С одной стороны, оно имело возможность выбирать кандидатов из числа добровольцев, основываясь на послужных списках и отзывах консistorий, отсеивая тех, кто не соответствовал требованиям ведомства. Но с другой стороны, проводить отбор среди священников-беженцев не было возможности: исполняя указ Синода, протопресвитер был вынужден снисходительно относиться к ним и предоставлять место службы. В работе А. Кострюкова процитированы весьма красноречивые слова Г.И. Шавельского: «Руководство военным духовенством затруднялось тем обстоятельством, что армия переполнялась мобилизованными, взятыми из епархий, не знавшими духа, условий военно-духовной службы священниками» [1, с. 150]. Не имеющие опыта службы среди военнослужащих, епархиальные священники пытались устроить свою деятельность в армии по принципу службы в приходе, делая акцент на культовую деятельность, в то время как военному священнику полагалось не только отправлять требы, но в большей степени выполнять идеологическую, нравственно-патриотическую, воспитательную работу. Но у протопресвитера не было выбора: выбывающее духовенство следовало замещать, а также назначать священнослужителей на новые места. В таких условиях все, что оставалось Г.И. Шавельскому – выбрать наиболее подходящих для службы в частях и учреждениях российской армии. Поэтому в годы войны остро стояла не столько проблема нехватки духовенства в армии, сколько нехватка соответствующего месту службы духовенства.

Положение епархиальных священников, находящихся на временной службе в ведомстве военного и морского духовенства, пошатнулось после Февральской революции. Еще весной 1917 г. начались увольнения. Чаще всего они были связаны с сокращением должностей, расформированием воинских частей и учреждений. Эти решения принимались высшим военным или духовным руководством и были обусловлены военной необходимостью, а также сокращением расходов. Под сокращение попадали именно епархиальные священники, как временно откомандированные в действующую армию. Иногда увольнение священников могло быть инициировано самими военнослужащими: солдаты мотивировали свое решение экономией, или же недовольством своим священником. В таком случае отчислить от должности могли как штатного, так и внештатного священнослужителя. Увольнял также протопресвитер и главные священники фронтов. Чаще всего это было связано с неприемлемым отношением к службе (неисполнение обязанностей, отсутствие на месте службы, монархические настроения). Так, священник-беженец из Гродненской епархии, был отчислен в епархию за то, что, прибыв на работу в госпиталь, позволил себе перед солдатами выразить недовольство совершившейся революцией и пришедшему к власти Временному правительству, а также надежду на восстановление самодержавия [34, л. 1].

Сами священники видели свое будущее по-разному. Штатное военное духовенство не опасалось за свою судьбу: по окончании войны их должности сохранялись [35, с. 123]. А вот священники, поступившие в ведомство на время войны, оказались перед выбором.

Часть священников (преимущественно мобилизованные, призванные специальными распоряжениями протопресвитера и некоторые добровольцы), подает рапорты об увольнении и возвращении на епархиальную службу. Причина крылась не столько в боязни за свою жизнь в условиях нарастающего недовольства солдат, сколько в желании как можно быстрее вернуться в епархию и занять свой или иной свободный приход, пока это еще возможно. Они понимали, что по демобилизации мест в ведомстве военного духовенства не будет,

равно как осознавали, что в епархии на их место уже мог прийти другой священнослужитель или же закрепился заместитель (если он понравился прихожанам). На имя протопресвитера стали поступать рапорты с просьбами об отчислении или хотя бы длительной командировке для устройства в епархии. В качестве причины увольнения называли плохое самочувствие, усталость от войны, семейные обстоятельства. Вместе с тем, все эти причины не являлись уважительными. Единственное, что могло стать уважительной причиной для увольнения – справка, подтверждающая ухудшение состояния здоровья. Но причины, указанные в таких справках, зачастую были несерьезными (утомление, бессонница, слабость желудка).

Тогда священники попытались вернуться в епархию с помощью прошений паствы и консистории. Но и это для протопресвитера не являлось уважительной причиной. 26 октября 1917 г. из полевой канцелярии главному священнику Западного фронта пришло разъяснение, согласно которому ходатайство прихожан о возвращении в приход тех или иных священников, находящихся в действующей армии, не может служить основанием для увольнения в епархии [36, л. 725]. Отчаявшись, отдельные священнослужители сбегали из армии [36, л. 784].

Причина удерживания священников из епархий в армии крылась в финансовой стороне вопроса. Дежурный генерал штаба командующего армиями Западного фронта 16 апреля 1917 г. писал главному священнику, что священники, назначенные в армию и получившие все виды пособий военного времени не могут быть уволены из армии по семейным или иным обстоятельствам [37, л. 6]. Но священники не оставляли надежду покинуть армию, забрасывая протопресвитера прошениями об увольнении. Ситуация была замечена и военнослужащими: в письме на имя протопресвитера от 12 сентября 1917 г. они указывали на бегство епархиальных священников из армии без возвращения полученных ими пособий [29, лл. 180 – 180об.]. Только в ноябре 1917 г. увольнять священнослужителей без взыскания пособий военного времени разрешили в случае их замены другим священником (обычно из лишившихся места службы) без новых финансовых затрат [29, л. 187].

В иной ситуации оказались священники-беженцы, часть добровольцев, а также мобилизованные из бедных и малочисленных приходов. Такие священнослужители старались остаться в ведомстве военного и морского духовенства. После войны, по расформированию частей, идти им было некуда: священники-беженцы лишились своих приходов, священники-добровольцы были отчислены, а на их место назначены другие. Кроме того, почувствовав разницу между доходами и занятостью духовенства епархиального и военного, некоторые хотели попытаться счастья и закрепиться в штате. Однако свободных должностей не было, а если и были, то на них в первую очередь назначали духовенство, служившее в ведомстве по штатам мирного времени, но лишившееся должностей после Февральской революции.

Новые прошения из епархий протопресвитером отклонялись. В июне 1917 г. он просил главного священника Западного фронта отказывать добровольцам и назначать на вакантные места уже имеющееся духовенство [37, л. 24]. Поэтому на большинстве прошений 1917 г. стоят резолюции «Отказать», «Отказать за множеством кандидатов», «Ничего не могу сообщить, ибо не знаю, сколько постоянных мест останется», «Не могу обещать, пока не пристрою старослужащих в ведомстве» и прочее [17; 38].

Ухудшение кадровой ситуации происходит после прихода к власти большевиков. Перемирие с Германией ускорило расформирование воинских частей, а с ними и упразднение должностей священнослужителей. В конце 1917 г. увеличивается число прошений духовенства о предоставлении мест в ведомстве ввиду расформирования воинских частей, а также жалоб на невозможность устроиться на службу в епархиальное ведомство. Например, священник 62-й пехотной дивизии К. Зенкович, беженец из Гродненской епархии, писал протопресвитеру о скором расформировании дополнительных воинских частей, ввиду чего он может остаться без должности, а вернуться на старое место службы в епархии нет надежды [38, л. 369]. К декабрю 1917 г. число священников в армии Западного фронта сократилось до 392 человек (против 750 в мае 1917 г.) [8, лл. 184–193].

Окончательно ведомство военного и морского духовенства было ликвидировано 16 января 1918 г. приказом Народного комиссариата по военным делам № 39 «О расформировании всех управлений духовного ведомства». Все священнослужители всех вероисповеданий подлежали увольнению со службы в военном ведомстве, а все их управления – расформированию. Войсковым комитетам предоставили возможность оставить священника, но в таком случае расходы на его содержание возлагались на военнослужащих [39, с. 260]. Поэтому неудивительно, что священников в частях не оставили. Несколько тысяч человек оказались без места службы и средств к существованию [40, с. 23]. 29 января 1918 г. протопресвитер писал в Народный комиссариат по военным делам, что в ведомстве состоит порядка 3700 священнослужителей (из которых 3000 – нештатные), и все они нуждаются в материальной помощи [41, л. 1об.]. Поместный собор просил выделить помощь всем «безместным» священникам на 6 месяцев [42, лл. 5об., 8 – 8об.]. По данным А.В. Соколова, государство выплатило содержание духовенству только за январь-февраль 1918 г., что составило 50 000 рублей, и больше никакой помощи со стороны государства оказано не было [43, с. 713–714].

Мало кто возлагал надежды на устройство в епархиях. Если у нештатного духовенства имелись шансы вернуться на службу в епархии, то штатные священники ведомства являлись для епархий «совершенно чуждым и излишним элементом», который не может рассчитывать на должности и пособия по епархиальной службе. «Ликвидируя свои дела в полку, – писал священник А. Вишняков, – едет иерей Божий в епархию, с которой связь давно порвана, где его основательно уже забыли, едет в поисках места... Пока пройдет его кандидатура

куда-либо, пока подвергаемый «пробе» избирателями, он найдет себе приход, сколько мук испытать придется!» [44, с. 35]. Найти приход было сложно. В первую очередь на вакантные места назначали уже имеющихся кандидатов, после шла очередь нештатного военного духовенства, и последними в очереди шли штатные военные священники [45, с. 19]. Часто в качестве места службы предлагались бедные приходы. Поэтому судьба епархиальных священников, решивших послужить отечеству в годы Первой мировой войны в рядах военного духовенства, сложилась по-разному: кто-то вернулся на прежнее место службы, кому-то удалось устроиться в новом приходе. Но были и те, кому места службы не нашлось. В таком случае известны случаи перехода духовенства на работу, не связанную с культовой деятельностью.

Заключение. В годы Первой мировой войны значительное число епархиальных священников поступило в распоряжение протопресвитера военного и морского духовенства для религиозного обслуживания военнослужащих российской армии. Часть из них попала в армию по мобилизационному расписанию 1910 г. (586 человек). Они гарантированно сохраняли за собой места в епархиях и получали достойное содержание. Также, ввиду большого количества вакантных должностей и замены имеющегося духовенства по запросу протопресвитера, Синод поручал епархиальным консисториям направлять дополнительное количество священников в распоряжение Г.И. Шавельского. Мобилизованные по специальным распоряжениям по своему статусу приравнивались к священникам из мобилизационных списков. Вместе с тем, епархиальные священнослужители нередко сами просили принять их на временную службу в ведомство военного и морского духовенства. Однако эта часть священников столкнулась с проблемой увольнения из епархии и потерей содержания по епархиальному месту службы. Также была предоставлена возможность служить в частях и учреждениях армии священникам-беженцам, потерявшим место службы в епархиях, оккупированных противником. Важно, что поступающие на службу в ведомство протопресвитера епархиальные священники не понимали специфику службы в воинской среде, а потому нередко делали акцент не на идеологическую и воспитательную работу, а на культовую деятельность. Протопресвитер старался осуществлять отбор кандидатов, однако ввиду их многочисленности, занятости самого протопресвитера, а также особых привилегий для некоторых из них (беженцев), осуществление отбора проводилось неэффективно, что привело к появлению в армии непригодных для службы священнослужителей. В период революционных преобразований положение епархиальных священников в армии пошатнулось, начались увольнения. Окончательно епархиальное духовенство покинуло ряды военных священников после упразднения военно-духовного ведомства большевиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кострюков, А.А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году / А.А. Кострюков // Церковь и время. – 2005. – № 2. – С. 143–198.
2. Фирсов, С.Л. Военное духовенство России. К вопросу о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота последней четверти XIX – начала XX столетий / С.Л. Фирсов // Новый часовой. – 1994. – № 2. – С. 19–24.
3. Малишко, С.В. Мобілізація православного військового і морського духовництва російської армії та флоту в 1914 р. / С.В. Малишко // 36. наук. пр. Сер. Історія та географія / Харк. нац. пед. ун-т. – Харків, 2013. – Вип. 49. – С. 88–92.
4. Родионова, О.А. Деятельность духовенства Минской епархии в начальный период Первой мировой войны / О.А. Родионова // Просвещение, свидетельство и проповедь. Миссия Церкви: история и современность : материалы Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 1020-летию крещения Руси, Минск, 15–16 дек. 2008 г. / Ин-т теологии им. св. Мефодия и Кирилла Белорус. гос. ун-та, С.-Петербург. гос. ун-т ; под общ. ред. епископа Бобруйского и Быховского Серафима (А.Д. Белоножко). – Минск, 2009. – С. 110–113.
5. Старостенко, Э.В. Священники белорусских епархий в рядах военного духовенства Российской империи в годы Первой мировой войны / Э.В. Старостенко // Религия и общество – 10 : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 10–23 марта 2016 г. / Могилев. гос. ун-т [и др.] ; под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев, 2016. – С. 82–85.
6. Старостенко, Э.В. Поступление епархиальных священников на временную службу в ведомство пресвитера военного и морского духовенства в годы Первой мировой войны (на материалах Беларуси) / Э.В. Старостенко // Романовские чтения – 13 : сб. статей Междунар. науч. конф., посвящ. 105-летию МГУ имени А. А. Кулешова ; Могилев, 25–26 октяб. 2018 г. / МГУ им. А.А. Кулешова ; под общ. ред. А.С. Мельниковой. – Могилев, 2019. – С. 58–59.
7. Старостенко, Э.В. Деятельность православного военного духовенства на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Э.В. Старостенко. – Минск, 2018. – 187 л.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10392.
9. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10581.
10. Емельянов, С.Н. Новые вызовы и задачи: военное духовенство в годы Первой мировой и Гражданской войн / С.Н. Емельянов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. – 2015. – № 2. – С. 51–60.
11. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 7118.
12. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9159.
13. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9768.
14. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 826.

15. Шавельский, Г. Воспоминания последнего протопрезвитера русской армии и флота : в 2 т. / о. Г. Шавельский. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1954. – Т. 2. – 412 с.
16. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 961.
17. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10304.
18. Указ Святейшего правительствующего Синода от 4 июня 1916 г. // Полоц. епарх. ведомости. – 1916. – № 25. – С. 293–295.
19. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 38485.
20. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 38455.
21. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 713.
22. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 826.
23. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026. Ч. 1.
24. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 748.
25. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 967.
26. НИАБ. – Ф. 96. Оп. 13. Д. 2.
27. НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 99.
28. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9627.
29. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2044. Оп. 1. Д. 21.
30. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9761.
31. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026. Ч. 3.
32. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10025.
33. Шавельский, Г. Воспоминания последнего протопрезвитера русской армии и флота : в 2 т. / о. Г. Шавельский. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1954. – Т. 1. – 414 с.
34. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10112.
35. Старостенко, Э.В. Изменение положения православного военного духовенства Западного фронта после Февральской революции 1917 г. / Э.В. Старостенко // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. ст. Междунар. науч. конф., СПб., 20 окт. 2017 г. / С.-Петерб. гос. ун-т ; отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов [и др.] – СПб., 2017. – Вып. 4. – С. 117–130.
36. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10321.
37. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10348.
38. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10315.
39. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Упр. делами Совнаркома СССР. – М. : [б. и.], 1942. – 1483 с.
40. Старостенко, Э.В. Православное военное духовенство Западного фронта в период революционных преобразований 1917 г. в России / Э.В. Старостенко // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та. Сер. А, Гуманітар. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2017. – № 2. – С. 19–24.
41. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10526.
42. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 3431. Оп. 1. Д. 444.
43. Соколов, А.В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А.В. Соколов. – СПб., 2014. – 810 л.
44. Вишняков, А.В. Молчать больше нельзя / А.В. Вишняков // Церков.-обществ. мысль. – 1917. – № 11/12. – С. 35–37.
45. Старасценка, Э.В. Прусаваўнае васнае духавенства на тэрыторыі Беларусі пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 года / Э.В. Старасценка // Беларускі гіст. часопіс. – 2018. – № 6. – С. 16–20.

Поступила 08.04.2020

DIOCESAN PRIESTS IN THE SERVICE IN THE DEPARTMENT OF THE PROTOPRESBYTER OF THE MILITARY AND NAVAL CLERGY DURING THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR

E. STAROSTENKO

The article is devoted to researching of service of the diocesan clergy in the department of the protopresbyter of the military and naval clergy during the First World War. The main ways of entering the service of priests in the department of the protopresbyter, their salary, and the difficulties associated with maintaining the former place of service are studied. It is considered the suitability of the clergy coming from the dioceses to the destination in this article. Also it is traced the change in the position of diocesan priests in the army after the abdication of Nicholas II and establishment of Provisional government and it is examined the fate of the diocesan priests after the abolition of the department of protopresbyter of military and naval clergy.

Keywords: First World War; department attached to protopresbyter of military and navy clergy; Russian Orthodox church, orthodox clergy.